

УДК 81'38'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-287-294>

Е. Ю. Викторова
Саратов, Россия

Elena Yu. Viktorova
Saratov, Russia

**Гендерная специфика в использовании
авторизующих конструкций самоупоминания
(на материале жанра TED talks)**

**Gender Aspects in the Use of Selfmentions
(based on the Genre of TED Talks)**

В статье представлены результаты исследования гендерной специфики в использовании английских авторизующих конструкций – авторских самоупоминаний, содержащих личное или притяжательное местоимение 1-го лица (*I, we, me, us, my, our*). Исследование выполнено на материале англоязычных TED лекций, прочитанных мужчинами и женщинами – экспертами в разных областях знания (медицины, психологии, политологии, бизнеса, нейробиологии) во время TED конференций. Конструкции самоупоминания, будучи непосредственно ориентированными на образ автора, отражают субъективно-модальную сторону коммуникации. Однако они активно используются лекторами не только для проявления своего авторского я – демонстрации своих оценок, мнений и отношений, но и для создания отношений близости, доверия, солидарности с аудиторией.

В ходе применения методов качественного и количественного анализа функционирования конструкций самоупоминания в речи мужчин и женщин установлено, что при небольших различиях общих показателей частотности в мужских и женских лекциях эти конструкции демонстрируют существенные гендерные различия в употреблении различных типов этих конструкций. В мужских лекциях зафиксировано гораздо более частое использование I-конструкций и эксклюзивного (экспертного) *we*. Для женщин использование I характерно в меньшей степени, но у них намного более частотны инклюзивные конструкции с *we*, среди которых были выделены *we-общечеловеческое*, *we-общенациональное*, *we-гендерное*. Полученные результаты подтверждают известные данные о специфике мужского и женского коммуникативных стилей: о большем стремлении к построению общности во взаимодействии с адресатом, поиске солидарности, свойственным женскому речевому поведению, и о большей склонности к демонстрации индивидуальности, авторитетности и статусности в мужском.

Ключевые слова: авторизующие конструкции, конструкции самоупоминания, TED, лекции, речевой жанр, научно-популярный дискурс, гендер, мужской коммуникативный стиль, женский коммуникативный стиль.

The article deals with gender aspects in the use of English selfmentions – phrases containing first person pronouns and possessive adjectives (*I, we, me, us, my, our*). The research is based on TED talks given by men and women, experts in different areas of expertise (*medicine, psychology, politics, business, and neuroscience*). Selfmentions are directly oriented to the image of the author and reflect the subjective-modal side of communication. However, speakers widely use them not only to present their own selves – to demonstrate their personal opinions, attitudes or assessments, but also to create the relations of credibility, confidence, and solidarity with the audience. Selfmentions are crucial in improving the efficiency of language persuasion and of communication in general.

The applied methods of quantitative and qualitative analysis of the use of selfmentions in men's and women's talks allowed to claim that while overall frequency rates of these phrases in the speech of men and women differ only slightly, gender differences in the use of certain selfmention types are significant. Men's talks demonstrate high frequency of I-phrases and exclusive (*expert*) *we*-phrases. Women use I-phrases less frequently, however, they are more likely to choose inclusive *we*-phrases, where *we* can refer to the whole humanity, a certain nation or gender. The obtained results prove the well-known facts about the specific features of masculine and feminine communicative styles: the desire to develop closeness and solidarity in the interaction with the addressee typical of women's speech behaviour and the inclination to demonstrate individuality, authority, status orientation commonly found in men's language performance.

Keywords: selfmentions, TED talks, popular-science discourse, gender, masculine communicative style, feminine communicative style.

Сведения об авторе: Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры

About the author: Viktorova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of

романо-германской филологии и переводоведения.
Место работы: Саратовский национальный ис-
следовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: helena_v@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

*Romance-Germanic Philology and Translation The-
ory.*

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: helena_v@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Введение

Конструкции самоупоминания – фразы или словосочетания, в которых автор упоминает себя посредством личных или притяжательных местоимений 1-го лица (*I, we, me, us, my, our – I/we think; I/we believe; I remember; I have to admit; in my judgement; I'm convinced; I wish; I guess; we used to think* и мн. др.), являются, на наш взгляд, элементами дискурсивно-прагматического каркаса коммуникации [1]. Мы рассматриваем эти конструкции как одну из разновидностей авторизирующих средств, актуализирующих автора и создающих его «портрет» как языковой личности и как субъекта речевой деятельности [2, 3]. Конструкции самоупоминания исследуются нами как дискурсивные единицы (дискурсивы) синкретичного типа, совмещающие функции основных коммуникативных единиц, ориентированных на фактуальное содержание дискурса, и вспомогательных, в задачи которых входит композиционная и логическая организация коммуникации и регулирование взаимодействия автора с адресатом [4, 5]. Иными словами, эти конструкции участвуют не только в создании смыслового содержания, но и обладают прагматическим эффектом, структурируя речь и управляя вниманием адресата [6]. Авторизирующие конструкции самоупоминания являются одним из средств реализации образа автора, отражают субъективно-модальную сторону коммуникации и играют важную роль, во-первых, в выражении авторского мнения, отношения, оценки, и во-вторых, в создании отношений с адресатом, основанных на взаимопонимании и доверии и способствующих эффективному взаимодействию. По мнению К. Хайланда, конструкции самоупоминания эксплицируют авторское присутствие в тексте: чем эти конструкции более частотны, тем более выраженное авторское присутствие в этом тексте можно обнаружить [7].

Исследование выполнено на **материале** текстов TED talks, которые мы условно называем лекциями, прочитанных в рамках конференций, проводимых TED (*Technology, Entertainment, Design*) фондом – частной американской некоммерческой организацией, миссия которой состоит в распространении уникальных идей: *ideas worth spreading*. В данных конференциях, которые проводят-

ся с 1984 года, участвуют эксперты в разных областях знаний. Их выступления публикуются на сайте <https://www.ted.com>, снабжаются переводами на разные языки. В ходе нашего исследования проанализировано 30 англоязычных лекций по медицине, нейробиологии, политологии, лингвистике, педагогике, бизнесу, женской проблематике, психологии общим объемом около 66 000 словоупотреблений. Лекции, прочитанные мужчинами, и лекции, прочитанные женщинами, были отобраны методом случайной выборки с учетом принципа тематического разнообразия и исследованы в равном объеме. **Цель исследования** заключалась в выявлении специфики функционирования конструкций самоупоминания и их подтипов в TED лекциях и зависимости этой специфики от гендера лектора. В качестве основного **метода** исследования использовался метод дискурсивного анализа с применением сравнительных и количественных методик. Конструкции самоупоминания отбирались методом сплошной выборки с подсчетом количества их употребления в целом, количества употребления их подтипов, а также их частотности.

Проблема зависимости употребления конструкций самоупоминания от гендера уже исследовалась лингвистами. Те работы, с которыми нам удалось ознакомиться, все выполнены на материале английского языка (исключением, видимо, является наша более ранняя работа на материале русских лингвистических статей [8]). Однако большинство англоязычных исследований основано на письменной научной речи [9]. Кроме того, проводились исследования на материале речи не-носителей английского языка [10, 11]. На материале устного научно-популярного дискурса, к которому мы относим исследуемые нами TED лекции, подобные исследования нам не попадались.

Научно-популярный дискурс и его особенности

Устный научно-популярный дискурс сочетает в себе черты научного, публицистического, художественного и разговорного дискурсов [12, 13]. По сравнению с собственно научным научно-популярный дискурс характеризуется некоторой облегченностью содержания, особым вниманием к адресату, а потому и боль-

шей доступностью, экспрессивностью, наглядностью, ориентацией не только на информирование адресата, но и на его развлечение [14]. Главная задача научно-популярной коммуникации – популяризация научного знания. Характер взаимодействия автора с адресатом здесь можно описать как гетерогенный: лектор – профессионал в своей научной области, слушатели – люди, хоть и интересующиеся наукой, но специалистами в этой области не являющиеся. Лектор и аудитория обладают разным статусом в отношении уровня и глубины знания в рамках темы коммуникации. Именно из этой асимметрии и вытекает необходимость для лектора, если он хочет быть правильно понятым, изобретать особый язык популярной науки. Одной из особенностей этого языка является частое использование конструкций самоупоминания. По сравнению с лекциями, прочитанными в учебных аудиториях для студентов (для этого исследовались лекции британского академического корпуса: http://www.reading.ac.uk/AcaDepts/ll/base_corpus/), частотность этих конструкций в TED лекциях выше в три раза.

Связь гендера с использованием I-конструкций

В ходе исследования 30 TED лекций было зарегистрировано 1329 самоупоминаний в лекциях мужчин и 1071 в лекциях женщин. Изученные нами работы других исследователей, изучавших зависимость использования авторизирующих конструкций от гендера в научных статьях, в студенческих эссе, в речи студентов на защите дипломных работ, также демонстрируют большую частотность этих конструкций в речи мужчин [9–11].

Интересно, что различия в полученных нами данных вытекают главным образом из гораздо более частого использования мужчинами местоимений *I/my*: у мужчин I-конструкций 654, у женщин 375, т. е. у мужчин их в 1,7 раза больше. При этом количество использованных *we*-конструкций примерно одинаковое: 675 у мужчин и 684 у женщин. Такие данные явно говорят в пользу того, что «якание» (точнее «айкание») является скорее чертой мужского коммуникативного поведения, а не женского. И это подтверждает многочисленные выводы, сделанные в области гендерной лингвистики за последние десятилетия [15, 16].

Частое употребление местоимения *I* в англоязычной академической культуре обычно не связывается с нескромностью или самовосхвалением, а подразумевает глубокую личную вовлеченность автора в повествование, когда он много и подробно рассказывает о своих

действиях и своих достижениях, о своем опыте, включает в лекцию истории из своей жизни, шутки, высказывает свои мнения, оценки, сомнения. Всё это сокращает дистанцию между автором и адресатом, помогает завоевать доверие аудитории и донести до нее суть своих идей. Кроме того, местоимение *I* транслирует различные субъективно-личностные смыслы, связанные с высказыванием мнений, убеждений, оценок, отношения к тем или иным фактам, а также указывает на эмоциональную вовлеченность автора. Важно также, что местоимение *I* – это и способ подчеркнуть свою ответственность за сделанное и сказанное, это демонстрация открытости и прямоты. Судя по полученным нами результатам, авторы-мужчины проявляют в своих лекциях данные качества в среднем в гораздо большей степени, чем женщины.

Приведем примеры использования I-конструкций из лекции нейробиолога Даниэля Левитина, в которой зафиксировано максимальное содержание I-конструкций – 75 (ср.: есть в нашем материале лекции, где этих конструкций всего 10 или 15). Лекция начинается с нарратива – истории о личном опыте, связанной с темой лекции – как оставаться спокойным в стрессовых ситуациях. Автор рассказывает о том, как он однажды забыл дома ключи и был вынужден забираться в дом через разбитое окно. Приведем самое начало лекции: *A few years ago, I broke into my own house. I had just driven home, it was around midnight in the dead of Montreal winter, I had been visiting my friend, Jeff, across town, and the thermometer on the front porch read minus 40 degrees – <...> And as I stood on the front porch fumbling in my pockets, I found I didn't have my keys. In fact, I could see them through the window, lying on the dining room table where I had left them* (D. Levitin).

Личные истории подобные этой довольно частотны в исследованных нами лекциях. В этой лекции они необходимы автору, чтобы на практике показать, что именно происходит с человеческим мозгом в ситуации стресса – нехватки времени, неприятных событий, забывчивости и т. д. Автор показывает это на своем собственном примере. Поскольку описываемые ситуации представляют автора не в лучшем свете – как забывчивого, невнимательного, неаккуратного человека, то они не только помогают проводить содержательные параллели в рассказе автора (случаи забывчивости – стресс – поведение мозга), но и играют роль в налаживании контакта с аудиторией. Как правило, когда человек признается в своей неидеальности, это вызывает сочувствие собеседника и даже симпатию. Слушающий понимает, что говорящий – такой

же, как он, ведь никто не идеален, а значит, ему можно доверять. Подкупают также искренность и открытость лектора. Заканчивается лекция Д. Левитина в том же стиле, что и начинается – окончанием истории, начатой в первой части лекции: *Getting back to that snowy night in Montreal, when I got back from my trip, I had my contractor install a combination lock next to the door, with a key to the front door in it, an easy to remember combination. And I have to admit, I still have piles of mail that haven't been sorted, and piles of emails that I haven't gone through. So I'm not completely organized, but I see organization as a gradual process, and I'm getting there. Thank you very much* (D. Levitin).

Следует подчеркнуть, что для англоязычной научной речи авторизующие *I/we*-конструкции особенно типичны не только потому, что англосаксонская, как и преимущественно вся западная, культура демонстрирует культ индивидуальности, личной ответственности и уважения к отдельной личности, но и потому, что английский язык не допускает предложений без подлежащего (особенно в формальных стилях), а также имеет особое пристрастие к использованию притяжательных местоимений, что увеличивает количество использований местоимений в целом.

Связь гендера с использованием *we*-конструкций

Как мы уже отметили выше, *we*-конструкции в целом используются в лекциях мужчин и женщин с одинаковой частотой. Но их использование отличается большим количеством нюансов по сравнению с *I*-конструкциями. Дело в том, что при использовании *I* не возникает сомнения, кого говорящий имеет в виду – конечно, самого себя. В случае с *we* всё намного сложнее: оно может быть инклюзивным или эксклюзивным, т. е. может включать адресата, а может и исключать. Кроме того, в случае включения адресата может варьироваться и уровень (масштаб) его включения. Поэтому можно говорить о некоторой семантической размытости местоимения *we*, что позволяет его использовать в качестве манипулятивного средства [17]. Заметим, что в большинстве случаев использования *we*, интерпретация референции используемого местоимения у слушающего сомнений не вызывает, однако некоторые случаи, как нам кажется, требуют особого внимания.

Начнем с очень простого для интерпретации случая использования *we*, когда из предыдущего контекста слушающий может четко и недвусмысленно понять, какой у этого местоимения референт. Такое употребление зафиксировано в лекции Билла Гейтса, где под

we подразумеваются упомянутые ранее в лекции автор и его супруга: *There's one group of people who get almost no systematic feedback to help them do their jobs better, and these people have one of the most important jobs in the world. I'm talking about teachers. When Melinda and I learned how little useful feedback most teachers get, we were blown away* (B. Gates). Из лекции можно понять, что лектор, видимо, уверен, что все слушающие знают имя его супруги, поскольку он в своей лекции не поясняет, кто такая упоминаемая им Мелинда. Можно допустить, что американцы, учитывая статус и известность Б. Гейтса, действительно знакомы с деталями его личной жизни. Хотя автору данной статьи пришлось для правильной интерпретации этого фрагмента воспользоваться Википедией.

Рассмотрим разновидность *we*, исключаящего адресата – эксклюзивное *we*. Такое *we*, объединяющее говорящего с той общностью людей, которых он представляет во время своей лекции и от имени кого он выступает, можно назвать «экспертным». Как правило, речь идет о коллективе единомышленников, ученых или членах какой-то общественной организации. В лекции психиатра и нейробиолога Томаса Инсела употреблений *we*-экспертного зарегистрировано довольно много (38 случаев). Лектор рассказывает о достижениях группы ученых, частью которых он является. Использование местоимения множественного числа создает об авторе и его работе впечатление большей масштабности, авторитетности и убедительности. Опора на соратников и единомышленников придает идеям ученого гораздо больший вес и солидность и, следовательно, помогает более эффективно воздействовать на адресата: *There are changes in the brain a decade or more before you see the first signs of a behavioral change. The tools that we have now allow us to detect these brain changes much earlier, long before the symptoms emerge. <...> If we waited until the heart attack, we would be sacrificing 1.1 million lives every year in this country to heart disease. That is precisely what we do today when we decide that everybody with one of these brain disorders, brain circuit disorders, has a behavioral disorder* (T. Insel).

Такого рода *we*-конструкции намного более типичны для лекций мужчин, где их зафиксировано 345. В речи женщин их в три раза меньше (114), хотя, напомним, что в целом конструкций с *we* в мужской и женской речи примерно одинаковое количество. Возможно, стоит говорить о том, что причисление себя к авторитетным группам экспертов и постоянное упоминание этого факта, подчеркивание своего статуса как члена этой группы и, возможно, противопоставление этой группы

адресату, не имеющему к этой группе никакого отношения, а также стремление через всё это к демонстрации масштабности и глубины своих исследований больше типично для мужского коммуникативного поведения, для которого в целом характерны статусность и доминирование.

Представляется, что выбор именно такой риторики с четким доминированием экспертной позиции объясняется как содержанием лекций, рассказывающих о достижениях группы экспертов, так и личностью лектора, ориентированного на статусность, выделенность, исключительность. В таких лекциях очень четко ощущается противопоставление «мы» – «вы», исключающее какую-либо совместность или общность. Чаще всего темы таких лекций сложно назвать общепопулярными, они, как правило, посвящены узконаучным, весьма специфическим проблемам: например, исследованию стволовых клеток, головного мозга, генетическим заболеваниям и т. п. Экспертное *we* способствует восприятию лектора как авторитетного исследователя, принадлежащего группе людей особого статуса, отличных от адресата.

В отличие от *we*-эксклюзивного *we*-инклюзивное, включающее говорящего и адресата, более типично для женских лекций, где таких случаев обнаружено 492, что в два раза больше, чем у мужчин (237). Употребление такого *we* – общепризнанное проявление солидарности, общности, близости с адресатом. В отличие от *we*-экспертного *we*-инклюзивное подчеркивает единство выступающего и слушающих, общность их жизненных позиций, нацеленность на сотрудничество, а не на конкуренцию. Инклюзивные *we*-конструкции чаще встречаются в лекциях женщин, возможно потому, что женщины чаще мужчин (по крайней мере, в нашем материале) говорят на общественно-политические темы, близкие многим людям, сидящим в аудитории и слушающим лекции в записи. Лекторы знают, что среди аудитории есть единомышленники или люди, на которых их лекции могут и должны оказать то или иное воздействие, поэтому для них важно использование различных языковых приемов, направленных на создание уз общности и солидарности, близости и доверия. Среди этих приемов и исследуемые нами инклюзивные конструкции самоупоминания.

Примерно в половине случаев инклюзивных конструкций у мужчин и в трети случаев у женщин *we* подразумевает общность говорящего и адресата в целом без какой-либо спецификации. Пример из лекции врача Элисон Макгрегор, посвященной необходимости учитывать пол людей при тестировании и назначении лекарственных препаратов: *We all*

go to doctors. And we do so with trust and blind faith that the test they are ordering and the medications they're prescribing are based upon evidence – evidence that's designed to help us (A. McGregor).

Однако в большом количестве случаев говорящий с помощью *we* объединяет себя с конкретной группой людей. В ряде ситуаций имеется в виду национальная или гендерная принадлежность лектора и адресата. Когда речь идет о национальных ценностях или идеях, законах или организациях, участники TED конференций, подавляющее большинство которых американцы, под *we* подразумевают «мы-американский народ». В лекции Б. Гейтса, посвященной проблеме американских учителей, под «нашими» учителями имеются в виду американские учителя, а местоимение *we* подразумевает людей, живущих в США: *Our teachers deserve better. The system we have today isn't fair to them. It's not fair to students, and it's putting America's global leadership at risk. So today I want to talk about how we can help all teachers get the tools for improvement they want and deserve* (B. Gates).

В следующем примере из той же лекции *we*-конструкции подразумевают не весь американский народ, а американскую систему образования: *So I looked at the countries whose students perform well academically, and looked at what they're doing to help their teachers improve. Consider the rankings for reading proficiency. The U. S. isn't number one. We're not even in the top 10. We're tied for 15th with Iceland and Poland. The U. S. is tied for 15th in reading, but we're 23rd in science and 31st in math* (B. Gates).

Особенно эффектно «общенациональные» *we*-конструкции ощущаются в финале лекции Б. Гейтса, где благодаря этим конструкциям мотивы единения нации, достижения национального успеха, становления справедливого общества звучат более отчетливо и ярко: *The impact for teachers would be phenomenal. We would finally have a way to give them feedback, as well as the means to act on it. But this system would have an even more important benefit for our country. It would put us on a path to making sure all our students get a great education, find a career that's fulfilling and rewarding, and have a chance to live out their dreams. This wouldn't just make us a more successful country. It would also make us a more fair and just one, too* (B. Gates). Встречаются случаи использования «общенационального» *we* и в других лекциях, например, о медицине, когда речь идет об общенациональных проблемах или ситуациях, типичных для медицины США. Интересно, что в лекциях женщин случаев использования «общенационального» *we* не зафиксировано.

Однако в лекциях женщин встречаются *we*-конструкции гендерного типа (48 случаев). В лекциях, посвященных женским вопросам, лекторы-женщины с помощью *we* объединяют себя с женской частью аудитории и обращаются преимущественно к женщинам. Пример из лекции Сесиль Ричардс о женском равенстве: *I think what women want today, not just only in the United States but around the globe, is to no longer be an afterthought. We don't want to continue to try to, like, look at the next 100 years and be granted, grudgingly, small legal rights and accommodations. We simply want true and full equality. I think that women are tired of retrofitting ourselves into institutions and governments that were built by men, for men, and we'd rather reshape the future on our own terms* (C. Richards).

Далее в этой же лекции мы встречаем еще более узкое использование *we* – для указания не просто на женщин, а на белых женщин. С. Ричардс, будучи сама белой женщиной, призывает всех других белых женщин равняться на женщин-афроамериканок в их упорстве в борьбе за свои права: *So as I mentioned earlier, women of color in this country didn't even get the right to vote until much further along than the rest of us. But since they did, they are the most reliable voters, and women of color are the most reliable voters for candidates who support women's rights, and we need to follow their lead. Because their issues are our issues. And as white women, we have to do more, because racism and sexism and homophobia, these are issues that affect all of us* (C. Richards). В этом фрагменте инклюзивные *we*-конструкции объединяют автора не со всеми женщинами, а только с белыми, что подтверждается использованием местоимения 3-го лица *they* и *their* для указания на чернокожих женщин: *since they did, they are the most reliable voters; their issues are our issues*.

Кроме вышеотмеченных типов инклюзивных *we*-конструкций встречаются конструкции, ориентированные на все человечество целиком – «общечеловеческое» *we*, когда речь идет, например, об общечеловеческих способностях. В примере из лекции лингвиста Леры Бородицки референт местоимения *we* становится понятным благодаря следующему за ним уточняющему существительному *humans*: *So, I'll be speaking to you using language because I can. This is one these magical abilities that we humans have. We can transmit really complicated thoughts to one another. <...> So because of this ability, we humans are able to transmit our ideas across*

vast reaches of space and time. We're able to transmit knowledge across minds (L. Boroditsky).

Заключение

Проведенное исследование текстов TED лекций показало, что конструкции самоупоминания являются очень частотным подтипом вспомогательных коммуникативных единиц и в речи лекторов-мужчин, и в речи лекторов-женщин. В мужских лекциях одно самоупоминание встречается в среднем через каждые 25 слов, в женских – через 30 слов, т. е. в речи мужчин эти конструкции на 15% более частотны, чем у женщин, и связано это с более частым использованием мужчинами *I*-конструкций. *We*-конструкции в лекциях мужчин и женщин зарегистрированы приблизительно в одинаковом количестве, однако нами отмечаются существенные гендерные различия в отношении типов используемого *we* и частотности этих типов в речи мужчин и женщин. Большая часть *we*-конструкций в речи мужчин относится нами к эксклюзивному (экспертному) *we*, исключаящему адресата, но объединяющего говорящего с группой экспертов, которую он представляет. У женщин, напротив, большинство использованных *we*-конструкций относится к инклюзивному типу, включающего адресата в том или ином масштабе. Это может быть вся аудитория в целом (присутствующая в зале и слушающая лекции в записи в Интернете) либо часть аудитории, объединенная с говорящим одним гендером, гражданством либо все человечество целиком. В связи с этим мы сочли возможным выделить такие разновидности инклюзивного *we*, как *we*-общечеловеческое, *we*-гендерное, *we*-общенациональное. Как правило, единственным указанием на верную интерпретацию местоимения *we* в изученном нами материале является контекст и общее содержание текста.

Таким образом, качественный и количественный анализ текстов TED лекций, прочитанных мужчинами и женщинами, показал, что гендер является важным фактором, обуславливающим специфику использования конструкций самоупоминания. По нашему мнению, различия в речи мужчин и женщин как в плане общей частотности этих конструкций, так и в плане частотности их подтипов следуют признать существенными. Функционирование самоупоминаний действительно во многом обусловлено гендером, поскольку в этих единицах в значительной мере сконцентрировано личностное, индивидуальное начало говорящего, гендерная составляющая которого в коммуникации проявляется довольно ярко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED TALK (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>
2. Барляева Е. А. Средства актуализации автора научного текста (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 16 с.
3. Миколайчик М. В. Местоимения первого лица и другие средства самоупоминания в англоязычном научном экономическом дискурсе: корпусное исследование на материале англо-американских и российских аннотаций // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2018. № 5. С. 90–99.
4. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 192 с.
5. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 14–21.
6. Гричин С. В. Текстостроительная функция авторизации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 4 (12). С. 5–14.
7. Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. L. ; N.Y.: Continuum, 2005. 240 p.
8. Викторова Е. Ю. Влияет ли гендер на использование дискурсивов? (на материале письменного научного дискурса) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 8–14.
9. Tse P., Hyland K. 'Robot Kung Fu': Gender and professional identity in biology and philosophy reviews // Journal of Pragmatics. 2008. № 40. P. 1232–1248.
10. Pasaribu T. A. Gender differences and the use of metadiscourse markers in writing essays // International Journal of Humanity Studies. 2017. Vol. 1, № 1, September. P. 93–102.
11. Zareifard R. A Study of Interactional Metadiscourse Markers and Gender in the Defense Seminars of Persian Speakers // Journal of Educational and Social Research. 2014. Vol. 4, № 1. P. 231–238.
12. Caliendo G. The popularization of science in web-based genres // The Language of Popularization: Theoretical and Descriptive Models / ed. by G. Bongo and G. Caliendo. Bern: Peter Lang, 2012. P. 101–132.
13. Scotto di Carlo G. New trends in knowledge dissemination: TED Talks // Acta Scientiarum Language and Culture. 2014. № 36 (2). P. 121–130.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. 696 с.
15. Coates G. Women, Men and Language. 2nd ed. L.: Longman, 1993. 228 p.
16. Горошко Е. И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. Харьков: ФЛП Либуркина Л. М., 2009. 816 с.
17. Маркасова Е. В., Тянь Вэньцзюань. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 80–87. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-80-87>

REFERENCES

1. Viktorova E. Yu. Pragmatic aspects of TED talks as a specific speech genre. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 254–266 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>
2. Barljaeva E. A. *Sredstva aktualizacii avtora nauchnogo teksta (na materiale anglijskogoazyka)* [The means of actualization of the author of the academic text (based on English texts)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 1993. 16 p. (in Russian)
3. Micolajchik M. V. First person pronouns and other means of selfmentioning in English economic discourse: a corpus research based on English and Russian abstracts. *Cherepovets State University Bulletin*, 2018, no. 5, pp. 90–99 (in Russian).
4. Andreeva S. V. *Konstruktivno-sintaksicheskie edinicy ustnoj russkoj rechi* [Constructive Syntactic Units of Russian Speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2005. 192 p. (in Russian).
5. Viktorova E. Yu. Syncretic discourse markers. *Izv. Saratov. Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 14–21 (in Russian).
6. Grichin S. V. Text building function of authorization. *Tomsk State University. Journal of Philology*, 2010, no. 4 (12), pp. 5–14 (in Russian).
7. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*. London, New York, Continuum, 2005. 240 p.
8. Viktorova E. Yu. Does gender influence the use of discourse markers? (based on written academic discourse). *Izv. Saratov. Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2011, vol. 11, iss. 3, pp. 8–14 (in Russian).
9. Tse P., Hyland K. 'Robot Kung Fu': Gender and professional identity in biology and philosophy reviews. *Journal of Pragmatics*, 2008, no. 40, pp. 1232–1248.
10. Pasaribu T. A. Gender differences and the use of metadiscourse markers in writing essays. *International Journal of Humanity Studies*, 2017, vol. 1, no. 1, September, pp. 93–102.
11. Zareifard R. A Study of Interactional Metadiscourse Markers and Gender in the Defense Seminars of Persian Speakers. *Journal of Educational and Social Research*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 231–238.
12. Caliendo G. The popularization of science in web-based genres. In: G. Bongo, G. Caliendo, eds. *The Language of Popularization: Theoretical and Descriptive Models*, Bern, Peter Lang, 2012, pp. 101–132.
13. Scotto di Carlo G. New trends in knowledge dissemination: TED Talks. *Acta Scientiarum Language and Culture*, 2014, no. 36 (2), pp. 121–130.
14. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogoazyka, pod. red. M. N. Kozhina* [M. N. Kozhina, ed. Stylistic Encyclopedian Dictionary of Russian]. Moscow, Flinta Publ., 2003. 696 p. (in Russian).
15. Coates G. *Women, Men and Language*. 2nd ed. London, Longman, 1993. 228 p.
16. Goroshko E. I. *Informacionno-kommunikativnoe obshchestvo v gendernom izmerenii* [Informational-Communicational Society Viewed Through the Gender]. Har'kov, FLP Liburkina L. M., 2009. 816 p. (in Russian).
17. Markasova E. V. Tian' Ven'tszuan'. Manipulative function of the pronoun my in Russian and Chinese. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 80–87 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-80-87>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Викторова Е. Ю. Гендерная специфика в использовании авторизирующих конструкций самоупоминания (на материале жанра TED talks) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 287–294. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-287-294>

For citation

Viktorova E. Yu. Gender Aspects in the Use of Selfmentions (based on the Genre of TED Talks). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 287–294 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-287-294>

Поступила в редакцию: 28.04.2020 / Принята: 28.06.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Received: 28 April 2020 / Accepted: 28 June 2020 /
Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative
Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of
Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)